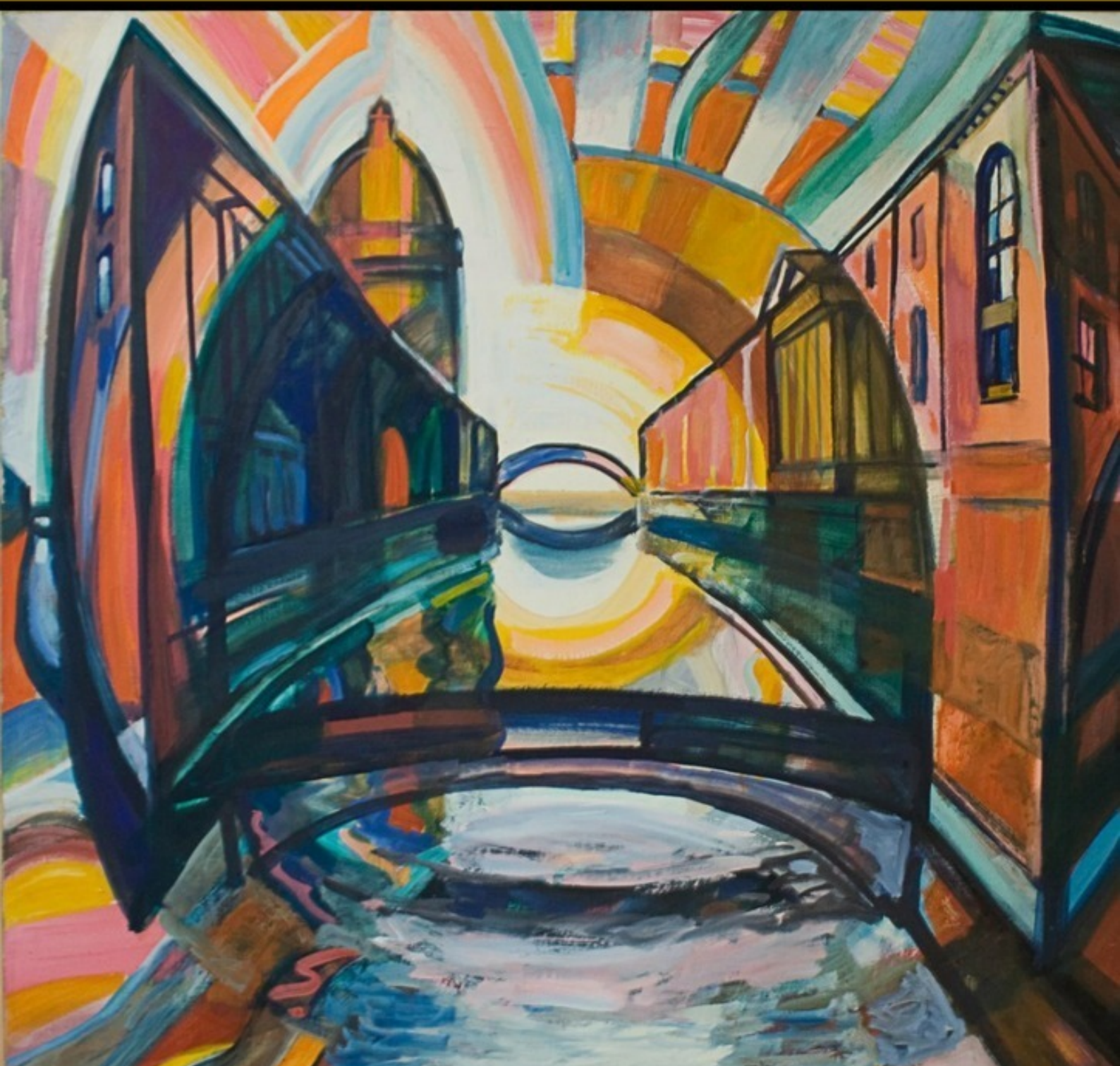

ИРИНА ВАГАНОВА

Золотко

Ирина Ваганова

Золотко

«Издательские решения»

Ваганова И.

Золотко / И. Ваганова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853614-4

Обыкновенную девочку одноклассники считают волшебницей, не понимая, что настоящее чудо это её искреннее доброе сердце. Школьные годы спустя время кажутся беззаботными, но жизненный опыт редко кто приобретает без ошибок и разочарований.

ISBN 978-5-44-853614-4

© Ваганова И.
© Издательские решения

Содержание

Нарушена привычная жизнь	6
Летний отдых	15
В Питере	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Золотко

Ирина Ваганова

Иллюстратор Елена Лев

© Ирина Ваганова, 2017

© Елена Лев, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-3614-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нарушена привычная жизнь

Зима засиделась в городе. Весне ещё предстояло растопить снег и высушить лужи. Тут и там прятались в закутки пупырчатые сугробы. Солнышко удивлённо поглядывало на них из своего заоблачного дома. На тротуаре местами горбился лёд, где-то виднелись замёрзшие следы ручьёв. Накануне небесное светило выполнило заметную часть работы. Ночью опять подморозило, в тени высоких домов было скользко.

Вероника Золотова, девочка одиннадцати лет, шла домой с утренней тренировки в приподнятом настроении. Скоро первенство России среди юниоров. Отбор был жёсткий, Ника обошла двенадцать претенденток. Это не стало неожиданностью, она лучшая из лучших – так говорили всегда. Пospорить с Вероникой в разное время могли только подруга и одноклассница Лариса Кравченко, а ещё Юлия Снегирёва. Но в работоспособности Золотовой Нике нет равных. Она упорно тренировалась всю жизнь. Начинала с занятий по общей физической подготовке. Среди беспомощных созданий заслуженный тренер России Ольга Михайловна высматривала настоящих гимнасток, двухлетнюю Никушу выделила сразу и выстраивала тренировочный процесс в расчёте на её будущие победы. Ника другого отношения не знала, воспринимала это как единственно возможный путь к цели. Из года в год, изо дня в день знакомая дорога в спортивный комплекс. Иногда и два раза в день. Но на сегодня всё. Дома обед – и в школу.

Вчера устные предметы мама на ночь читала вслух, а на упражнения и задачи сил измученная спортсменка не нашла. Сейчас тоже не успеть – задержалась на тренировке, утомилась. Ни родители, ни учителя не станут её винить. Зная это, Вероника с лёгким сердцем решила нагнать упущенный материал с папиной помощью вечером.

Ласковый ветерок трепал выбившиеся из-под шапочки волосы, воздух едва уловимыми ароматами напоминал о скором пробуждении природы. Ника подмигивала ярким солнечным зайчикам, которые играли с ней, отражаясь от многочисленных окон высотного дома. Девочка любила раннюю весну: многообещающую свежесть, пробуждение звонких почек, громкий радостный щебет птах, ручьи, стремительно несущие корабли из палочек и прошлогодних листочков к неведомому океану. Скоро каникулы, а это – путешествия, новые впечатления, может быть, новые друзья. Ольга Михайловна обязательно что-нибудь придумает. Обычно она вывозит подопечных из города в какой-нибудь спортивный лагерь, чаще на море. Дух захватывало от предстоящих приключений. Волны! Чайки! Песчаные пляжи, горы, пронзающие небо снежными вершинами. Вечерние посиделки у костра, игры, песни под гитару, душевные разговоры. Вероника уже подросла, не будет скучать по родителям, как раньше. Хотя будет, но совсем чуть-чуть.

По пути из спортивного комплекса домой Нике надо перейти Школьную улицу. Оживлённого движения нет, но светофор на пересечении со Спортивной установлен. Здесь и произошло с Вероникой несчастье, как теперь говорят, ДТП. Девочка убедилась, что зажёгся «зелёный человечек», и стала переходить проезжую часть. Машин не было. Преодолев полосу, Ника увидела, как автомобиль мчится по Спортивной к перекрёстку. Он должен затормозить, красный горит везде. Если бы нарушитель ехал прямо, ничего бы не случилось, но водитель, не сбавляя скорости, стал поворачивать, машину на скользкой дороге занесло. Увидев надвигающийся на неё зад седана, гимнастка подпрыгнула, перекатилась по дверце багажника и упала с другой стороны машины. Тёмный автомобиль с тонированными стёклами, будто испугавшись, рванул с места и умчался по Школьной. Ника ударилась головой о ледяной бугор, потеряла сознание. Немногочисленные прохожие бросились на помощь. Крепкий мужчина поднял ребёнка, донёс до автобусной остановки, усадил на лавку, девушка вызвала «скорую помощь», бабуля допы-

тивалась у Ники, есть ли у неё телефон – надо родителям позвонить. У девочки мир кружился перед глазами, она с трудом понимала, чего от неё хотят.

– Тошнит, сейчас вырвет, – шепнула пострадавшая, – голова кружится.

– Мобильный есть, деточка? – не унималась сердобольная старушка. – Мамке позвони!

– Сейчас. – Вероника порылась в кармане курточки и вытащила смартфон. – Не могу, всё плывёт...

– Вот аспид, – ругнулась старуха на виновника происшествия. – Дай-ка! Чего тут жать? Помогла девушка, мигом разобралась.

– Как тебя зовут? – спросила она, найдя в контактах номер, помеченный «Мамочка».

– Вероника.

Девушка кивнула и, услышав в трубке женский голос, заговорила:

– Это мама Вероники? Ваша дочь упала, поскользнулась. Сидит сейчас на остановке около школы... Ничего страшного. Сказала, что голова кружится... Да, мы «скорую помощь» вызвали... хорошо. Я Ира... да... дождусь. – Ира вернула смартфон Нике и объявила остальным очевидцам: – Вы идите, я подожду либо врачей, либо маму девочки.

«Скорая помощь» приехала раньше. Алевтина Сергеевна ещё домой заскочила взять медицинский полис, свидетельство о рождении дочери и свой паспорт, подтверждающий местную прописку. Кроме того, на всякий случай прихватила пакет с тапочками, пижамой, умывальными принадлежностями.

В травмпункте при городской больнице медичка, заполняя многочисленные бумаги, строго спросила подросевшую женщину:

– Что ж это вы дочь отпускаете без сопровождения?

– Она с восьми лет одна ходит, – оправдывалась мама Вероники, – каждый день тренировки, не могу же я работу бросить.

– Ну, вот и дотренировалась.

– Машина на улице стукнула, – робко противоречила Алевтина Сергеевна, – с каждым может случиться.

– С теми, кто дома сидит, не случается.

Медработник вернула документы и велела идти на рентген. Девочка, поддерживаемая мамой, бродила по этажам больницы, борясь с тошнотой и головокружением. На рентген их пропустили без очереди, но пришлось ждать, пока снимки будут готовы. Потом изображение Никиной головы разглядывал травматолог, далее невролог изучал рефлексы, затем прибыл педиатр.

Голова болела так, что пострадавшая едва различала сменяющиеся лица и с трудом понимала бесконечно повторяемые вопросы. К тому же между детским доктором и мамой разгорелся нешуточный спор.

– Когда она сможет приступить к тренировкам? – не удержалась от волновавшего её вопроса Алевтина Сергеевна.

– Мамаша, вы из дочери инвалида задумали сделать? Неделю как минимум, а лучше две лежать и не шевелиться! О физкультуре можно будет думать не раньше чем через месяц, да и то сначала с неврологом посоветоваться, дополнительные обследования пройти.

– До первенства неделя осталась. Вероника к нему несколько лет стремилась!

– Какое ещё первенство? – возмутилась врач.

– Спортивная гимнастика...

– По бревну скакать? – Взгляд педиатра испепелял маму Вероники. – Забудьте! К сотрясению мозга нельзя относиться легкомысленно.

– Доктор, ребёнок просто упал, она падает то и дело...

– Вот-вот! Возможно, это не первый случай. Деточка, у тебя раньше не было подобных состояний? – Женщина демонстративно отвернулась от матери.

– На дороге? – не поняла девочка.

– На тренировке. Упала, голова кружится, тошнит...

– Не помню.

– У них медик в спорткомплексе, если что, сразу осматривают, – пояснила Алевтина Сергеевна.

– Мамоchка, оформляем ребёнка в стационар? – нервно махнула рукой врачиха, которой надоело пререкаться.

– Может быть, она дома полежит?

– Дома полежит, говорите? Пишите отказ от госпитализации. Но учтите, возможны последствия. Вы на работу, а девочка скакать по квартире. Здесь за ней присмотрят, лекарства вовремя дадут, уколы поставят...

– Можно, я тренеру позвоню? – спросила Алевтина Сергеевна и вышла в коридор. Доктор оторвалась от записей, доверительно заговорила с Никой:

– Полежи, отдохни. Заездили ребёнка совсем. На что тебе все эти соревнования? Сегодня чемпионка, а завтра? А если проиграешь? Не дай бог, свалишься с брусьев своих! Потом ложкой в рот попадать не будешь.

Ника смотрела на женщину в белом халате и не находила слов для ответа. Мысль о прекращении тренировок была непривычной и даже пугающей. Остальные девочки из секции будут заниматься, оттачивать программы. А она матрацы мять?

Вернулась мама. Подошла к Нике, погладила её волосы и, нехотя повернувшись к врачу, проговорила:

– Ольга Михайловна сказала, при сотрясении мозга Веронику не допустят к соревнованиям.

– Ну да, такую ответственность никто на себя не возьмёт. Сами же засудите их, если что случится.

Оказалась Вероника в больнице. Корпус недавно построили. Современное оборудование, новые мебель и сантехника. Ровные блёклые стены – глазу не на чем задержаться. Посетителей в палату не пускали, выходить в холл, где обычно пациенты общались с друзьями и родственниками, Нике разрешали ненадолго – надо лежать. Честно говоря, девочка с трудом переносила радостный гомон подружек. Родителям рада была, но почти сразу выпроваживала – смущал укор в маминых глазах. Лежать скучно, да ещё голова раскалывается. Ни читать, ни кино смотреть, ни музыку слушать Ника не могла. Глотала таблетки – ненадолго помогало.

– Порисуй, не так скучно будет, – советовала лечащий врач Наталья Матвеевна. – Хочешь, альбом с карандашами принесу?

Так нашлось хоть какое-то занятие. Первый рисунок – гимнастка на бревне. Тоненькая девочка подпрыгнула в шпагат, летит над снарядом. Гимнастический купальник вишнёвого цвета, собранные в пучок волосы, красивая линия рук. Наталье Матвеевне рисунок понравился:

– Можно повесить на стенд? У нас в коридоре выставка работ пациентов. Твоя одна из лучших будет.

– Призовое место?

Доктор засмеялась.

– Настоящая спортсменка! Разрешаешь?

Теперь Никина гимнастка красовалась среди принцесс, автомобилей, роботов и букетов.

Рисовать Вероника любила. С двух до пяти лет ходила заниматься к художнику, другу Станислава Андреевича, отца Ники. С удовольствием вспоминала, как она, стоя перед мольбертом в папиной рубашке поверх обычной одежды, размешивала гуашь «Гамма» в баночках. Ей нравилось смотреть, как дядя Миша «колдует» над палитрой, добавляет к лужице из краски одного цвета другую, как получается что-то совсем непохожее. Потом он осветлит получен-

ную краску белой гуашью и наносит широкой кистью мазки на ватман. Приходит очередь Ники. Сначала её ручкой водит художник, показывая, как надо равномерно закрашивать фон, потом она сама делает неуверенные движения, иногда заезжая за светло-зелёный контур, намечающий задуманный рисунок. Когда фон готов, работу оставляют сохнуть, а в следующий раз надо будет прорисовывать мелочи. Девочке казались чудом происходящие на листе изменения. Возникало нечто совершенно неожиданное, непохожее на то, что она задумала раньше. Малышке трудно вообразить будущую картину. Хотя её спрашивали, что она хочет рисовать, но на следующем занятии у неё появлялись новые желания и рисунок обрстал подробностями и, кажется, жил независимой жизнью.

Теперь Никины детские работы в рамках висят на стенах в комнате родителей. Даже не верится, что она рисовала это, будучи совсем маленькой. К сожалению, когда начались ежедневные тренировки, времени на увлечения не осталось. В школе на уроках рисования Золотову всегда хвалили и часто вывешивали её рисунки напоказ, учитель предлагал участвовать в конкурсах, но здесь нужны были работы сложнее тех, которые Ника успевала сделать за урок.

В больничной палате времени было предостаточно. Получив альбом и цветные карандаши, девочка вспомнила прежние навыки, ощущения волшебства, происходящего благодаря твоим стараниям. Случилось так, что чудо произошло не только на бумаге. В соседней палате вместе с мамой лежала маленькая девочка Лиля. Крошка постоянно плакала. То поскуливала, то кричала. Когда плач становился особенно громким, Веронике приходилось подушками прикрывать уши, спасаясь от головной боли. Молодая женщина почти всё время держала Лилечку на руках. Та, обхватив маму за шею, постанывала. Скоро заметили, как успокаивается ребёнок около стенда с рисунками. Девчушка улыбалась, глядя на Никину гимнастку, водила пальчиком по бумаге и лепетала тихим нежным голоском.

– Что вы тут торчите всё время? – недовольно возмущалась заведующая. – Не положено. Все должны находиться в палатах. Какой пример детям подаёте?

– Дочурка не плачет, когда смотрит, – указала мама Лили на рисунок, – только здесь унимается.

– Нравится картинка? Животик не болит, рёва? – криво улыбнулась заведующая. Лилечка закивала.

– Идите, идите в палату. Нечего болтаться. Вы на обследовании, а не в картинной галерее. Женщина вынуждена была унести дочку из коридора. Заведующая пошла по своим делам. Из Лилечкиной палаты снова слышались горькие всхлипывания.

На следующий день Наталья Матвеевна просила Нику подарить рисунок Лиле.

– Малышка успокаивается, когда на твою гимнастку смотрит.

– Пусть забирает, я ещё нарисую, – разрешила Вероника.

Теперь она изобразила девочку с лентой. Спортсменка в лиловом костюме высоко подпрыгнула, прогнувшись. Рука с палочкой взметнулась вверх, продолжая линию корпуса, лента замерла абрисом крыльев бабочки. Тщательно прорисовав силуэт гимнастки, юная художница задумалась: как бы придать ей большее сходство с бабочкой? Полежала, прислушиваясь. В соседней палате тихо – Лили получила рисунок. Придумала! Это соревнования! Снова взялась за карандаши. Очерченное яркой лентой пространство рисовальщица заполнила изображением красных кресел, кое-где сидели нарядные зрители, составляя причудливый рисунок крыла. Остальные места заняты людьми – фон серо-зелёный. Лишь некоторые болельщики потрудились одеться в жёлтое, белое или синее, изображая редко рассыпанные цветы. Два дня трудилась Ника над своим произведением. На больничную выставку не отдала – не захотела расставаться. Голова почти не болела, тошнота прошла, завершились положенные обследования, тянуло домой.

Незадолго до выписки из больницы Нику навестила подруга и одноклассница Кравченко Лариса. Сообщила школьные новости, комично передразнивая учителей и ребят, похвастала

успехами на тренировках и рассказала о пропущенных Вероникой соревнованиях. Ольгу Михайловну огорчил результат, команда выступила хуже, чем ожидалось. Лариса получила бронзовую медаль за вольные упражнения, а вот Юлия Снегирёва, которую включили в команду вместо Вероники, растерялась и выступила хуже, чем могла. Кравченко была довольна собой. До этого она на призовое место никак не рассчитывала, обходить Нику в вольных упражнениях ей не доводилось, но на этот раз благодаря отсутствию главной соперницы смогла принести команде бронзу.

– Жалеет Ольга Михайловна, что ты на первенстве не показала. Ругает водителя – сбил надежду тренера.

– Досталось, наверное, Юльке!

– Урок нам! Надо готовиться к выступлению, даже если есть за чью спину прятаться.

– Ольга Михайловна, наверное, так говорит? – догадалась Вероника, услышав в этой фразе знакомые нотки.

– Ага. Ты скоро тренироваться начнёшь?

– Не раньше осени. – Ника достала свою бабочку из альбома. – Посмотри.

– Ничего себе! – то ли рисунок, то ли отсрочку в тренировках оценила Лариса. –

А в школу когда?

– Обещали завтра выписать, сразу после каникул в школу пойду.

Наталья Матвеевна слово сдержала, отпустила Нику домой. Тренировки запрещены до следующего сезона, освобождение от физкультуры на месяц. До конца учебного года чуть больше двух. Все оставшиеся дни каникул девочка провела за учебниками и тетрадями. Папа давал задания, вечером проверял, разъяснял непонятное. Надо нагнать одноклассников и окончить год без троек. Спортивных нагрузок нет, отставание в школе оправдать нечем. В перерывах между занятиями Ника гуляла, иногда бралась за карандаши, делала наброски. Волновала художницу спортивная тема, видимо, неожиданная разлука с гимнастикой заставляла скучать по нагрузкам и ярким переживаниям.

Началась последняя четверть. Благодаря дополнительным занятиям Вероника наверстала упущенное. Некоторые нерадивые ученики даже стали спрашивать у неё тетрадки, чтобы списать решённые задачки. Чаще всего этим злоупотребляла соседка по парте. Кравченко собралась на море в оплаченный благотворителем спортивный лагерь. Уедет со дня на день и вернётся только в самом конце учебного года. Ларискины мысли уже плескались в морской воде, поэтому домашние задания она списывала у Вероники и, не стесняясь, пользовалась её подсказками во время устных ответов. Нике горько было от того, что не может поехать с подругой, но та, не замечая грусти в её глазах, то и дело восхищалась предстоящим путешествием.

– У нас там и уроки будут, но совсем крошечные, не школа всё-таки! Зато можно будет по горам ползать, и цветёт там уже всё-всё. Красота!

– Да, наверное.

– Я тебе буду фотки присылать!

После Ларискиного отъезда Ника одна ходила и в школу, и обратно. Кое-кто из одноклассниц жил неподалёку, но у каждой были привычные попутчики. От одиночества стало особенно грустно. Рассматривая, показались листочки на деревьях или ещё рано, девочка вспоминала слова подруги о буйстве природы в тёплых краях. Кравченко забыла обещание, фотографии не присылала. Может быть, спортсменки так загружены, что некогда гулять по окрестностям? Хотелось хоть одним глазком взглянуть на цветущий край, но придётся дожидаться возвращения подруги, тогда она точно покажет снимки.

Однажды по дороге в школу Вероника повстречала улыбчивую женщину, лицо которой казалось знакомым.

– Ника! Здравствуй. Не узнаёшь меня?

Девочка присмотрелась. А, это мама маленькой Лилечки, что была в соседней палате, когда Ника лежала в больнице.

– Узнала. Извините, я в школу тороплюсь.

– Одну минуточку постой, хочу спасибо тебе сказать.

– За что? – Ника послушно остановилась.

– Твой рисунок помог. Представляешь, с самого рождения у Лили живот болел. Как только ни лечили, где ни обследовали, без толку. Твоя гимнастка помогла, теперь малышка совсем не жалуется, а с картинкой не расстаётся.

Вероника пожала плечами и обогнула назойливую даму, до начала уроков оставалось не так много времени.

– Подожди, я тебе шоколадку дам. – Женщина раскрыла сумочку. – Хорошая, бери!

– Не надо, я не ем шоколад. – Нику смущал непонятный восторг во взгляде малознакомой женщины. Неужели она в самом деле верит в чудодейственность рисунка?

– Угостишь кого-нибудь. Возьми, пожалуйста, так хочется тебя хоть чем-то отблагодарить!

Ника положила в карман плитку шоколада и простилась с больничной соседкой. Почти у школы девочку нагнала одноклассница Соня Мухина, она видела сцену с навязанным подарком и полюбопытствовала:

– Привет! Что это к тебе тётки на улице пристают? – Кивнула на торчащий из кармана уголок: – Шоколадки вручают.

– Эта тётка лежала в соседней палате, говорит, от моего рисунка у ребёнка её боли в животе прекратились.

– Везёт, мне бы кто подарил хотя бы конфету.

– Забирай. – Ника протянула однокласснице шоколад.

– Нельзя. – Соня сглотнула слюну. – Толстею от сладкого.

– Подумаешь, толстеет она! Ты же не балерина, которую мальчишки вверх подбрасывают.

Вполне нормально выглядишь.

– У меня предрасположенность к полноте.

– Ешь по одной дольке в день, ничего не будет.

Соня забрала подарок, спрятала в портфель.

– Как твоя картинка девочке помогла, интересно?

– Не знаю. Говорят, всегда живот болел, а с тех пор как я Лильке гимнастку подарила, не болит.

– Волшебство?

– Какое ещё волшебство? Скажешь! Так, самовнушение. Бывают такие боли – соматические, мне папа рассказывал: если о них не думаешь, то и не болит. Вот Лилька смотрит на картинку и забывает про живот.

– А можешь мне нарисовать, чтобы я похудела чуть-чуть? – попросила одноклассница, не обратив на Никины «научные» доводы внимания.

– Брось ты! Не хватало голову глупостями забивать.

– Я тебя очень-очень прошу, Никочка, миленькая! Только одну картинку, самую-самую малюсенькую, – голос Мухиной задрожал. – Так хочется в джинсы влезть, которые крёстная подарила. Тесноваты.

– Нарисую, – согласилась Вероника, – не жалко, да только дело-то не в этом. Ты ешь немного и часто, вот и не будешь вес набирать.

– Да я иногда целый день не ем!

– И так нельзя, организм пугается, когда его не кормят, и при каждом удобном случае жир откладывает. Нам диетолог объясняла.

– Ладно, только нарисуй мне гимнастку. Я тебе пятьдесят рублей дам! У меня есть. Или даже сто!

Вернувшись из школы, Ника достала наброски, сделанные на каникулах, выбрала из них тот, что больше остальных подходил Соне: танцевальный класс, балетный станок, зеркальная стена, а в ней – отражение балерины в пачке и пуантах, которая высоко подпрыгнула, будто вспорхнув над полом, и была похожа на снежный вихрь. Вероника взялась за карандаши, раскрасила пол, изобразила отражённые в зеркале лампы, они, как далёкие звёзды, окружали снежную балерину, в костюме которой рисовальщица щедро добавила серебряных блёсток.

Так началось ремесло. Получив рисунок с летящей балериной, Соня меньше чем за месяц вытянулась и похорошела. Ребята даже дразнили её моделью. Мухина, до умопомрачения довольная эффектом, разболтала всем о чудесных свойствах работ Золотовой. Мигом разлетелись по классу новость о девочке в больнице, излеченной волшебной картинкой, и рассказ о том, как нарисованная балерина повлияла на фигуру Мухиной. Соня обеспечила художницу множеством заказов, она же надумала ребят платить за чудо – иначе, мол, не подействует.

На переменках девочки то одна, то другая отводили Золотову в сторонку и шёпотом сообщали о сокровенных желаниях, которые Ника обязана исполнить. Потом потянулись и мальчишки, правда они делали это, как бы играя по кем-то придуманным правилам, не то чтобы верили Никиной силе, а так, хотели вывести её на чистую воду. Вероника поначалу отшучивалась, убеждала одноклассников, что Сонька всё выдумала, но это возымело обратный эффект – цену набивает. Вскоре Ника осознала невозможность избавиться от навязчивых заказчиков и принялась за работу. Едва успевала выполнять просьбы одноклассников, посвящая им всё утро до школы. Хорошо, по вечерам папа проверял домашние задания, иначе запустила бы учёбу. В конце года многие школьники мечтали исправить отметки, покупные рисунки таинственным образом этому способствовали.

Под заработанные деньги рисовальщица приспособила шкапулку, которую бабушка подарила для медалей. Мама тогда шутила: мол, ёмкость маловата. Медали сюда складывать не довелось, а для купюр вполне годится. Отведённая под копилку коробочка пополнялась мятыми сторублёвыми банкнотами. Вероника говорила себе: «Это тоже награда за труд». Помогают рисунки ребятам или нет, Нику не интересовало. Выполняла заказы – и всё. Ребята доверяли художнице свои чаяния, от обилия чужих желаний голова шла кругом. «Просите рисовать – рисую. Зачем вам это нужно, не моё дело, – говорила она, – я не волшебница и не колдунья». Школьники сердились, считали Золотову хитрой, но просьбами по-прежнему одолевали. В общем, модная в подростковой среде художница объявилась.

Вернувшись из спортивного лагеря Кравченко хохотала от души, увидев какой «бизнес» подруга развернула в школе. Даже советы Нике давала шуточные: мол, надо не просто отдавать рисунки, а пассы какие-нибудь руками делать или заставлять ребят повторять за собой труднопроизносимые заклинания. Каждого заказчика новоявленной художницы Лариса встречала нарочито-загадочным видом, а провожала уморительной гримасой в спину. Ника рада была бы отделаться от «клиентов» и даже просила подругу помочь ей, объяснить одноклассникам наивность их надежд, но Лариса отмахивалась – разбирайтесь сами – и только посмеивалась, а желания ребят странным образом исполнялись. Всё свободное время Ники уходило на рисование, Кравченко упорно тренировалась, они даже не смогли поговорить о том, как жилось гимнасткам в спортивном лагере на море.

Четверть пролетела быстро. Раньше дни Золотовой Вероники заполняли тренировки или выступления, она не замечала бега времени. Теперь же рисовала, едва успевая выполнять запросы ребят, оглянуться не успела, как закончился учебный год.

В июне пятиклассников привлекли к двухнедельной практике – сажали цветы на пришкольном участке под руководством учительницы биологии. Каждому классу поручили отдельную клумбу. Пропалывали, поливали, рыхлили. Получалось красиво, целые картины

составили из цветов. Когда рассада принялась, расправила упругие листочки, сразу стало понятно, как здорово будет здесь летом. Жильцы соседних домов заходили за школьную ограду, любовались клумбами и нахваливали вкус и трудолюбие исполнителей.

Вероника так и носила повсюду папку с рисунками. Девочки и мальчики одолевали Нику просьбами на сайте «ВКонтакте», звонили по телефону, караулили в школьном дворе и около дома. Часто кто-нибудь из одноклассников приводил приятеля из другой школы. Рисовальщица едва справлялась, карандаши работали целыми днями. Малознакомые школьники вызывались трудиться вместо Вероники на клумбе, лишь бы та в это время изобразила что-нибудь на альбомном листе. Однажды примостившуюся на лавочке Нику заметила Эльмира Альбертовна, руководившая практикой пятиклашек. Учительница подошла, присела рядом.

– Золотова, ты что бездельничаешь? Рисовать будешь дома, а здесь надо работать.

– Сейчас, я иду.

– Мы участвуем в городском конкурсе на лучшее оформление школьного двора. Хотелось бы выиграть его, разве нет?

Ника кивнула и уже хотела отложить рисунки, но учительница остановила её.

– Что тут у тебя?

Эльмира Альбертовна взяла папку, пролистала готовые работы. Прыгуны, хоккеисты и пловцы рвались к победе. Женщина сочувственно посмотрела на спортсменку, думая, что та скучает по тренировкам и доверяет тоску бумаге. Семиклассница, для которой Ника рисовала, подбежала к лавочке, испугавшись, что Эльмира Альбертовна заберёт предназначенный ей рисунок.

– Штангист мой! Возьмите другого, пожалуйста.

– Зачем? – Удивлённо вскинула брови учительница и вернула папку Веронике.

– Желания исполняются, – пояснила семиклассница. – У вас есть желания?

– Моё горячее желание видеть практикантов у клумбы. – Эльмира Альбертовна поднялась. – Ты зачем пришла, Семёнова? Ваш класс в июле работает, насколько я знаю.

– Вместо Ники. Она рисует, а я рыхлю.

– Безобразие, чтоб я этого больше не видела! Золотова, работать, а то день не отмечу. А ты забирай своего штангиста и быстренько домой!

Девочки послушались, но как только учительница ушла, к Нике подошёл младший братишка одной из одноклассниц и так упрашивал нарисовать ему непременно сёрфингиста, что художница вновь взялась за карандаши. Мальчик был единственным, кто не говорил о мечтах и желаниях, ему просто захотелось иметь рисунок, как у сестры, и обрадовался, увидев, что новая картинка даже лучше. Несмотря на огромную нагрузку, Вероника выкроила время и без всякой просьбы нарисовала для Эльмиры Альбертовны изобразивших водный цветок синхронисток: бирюзовая вода бассейна, розовые с золотыми прожилками костюмы девушек.

– Красиво. Ты учишься где-то? – заинтересовалась учительница, когда Ника протянула ей свою работу.

– Нет. Раньше занималась у художника, когда маленькая была. Долго уже не рисовала, снова начала в больнице от нечего делать.

– Думаю, ты одарённая девочка, надо бы показаться профессионалам.

– Мне доктор давала телефон знакомой художницы в Доме детского творчества, советовала обратиться туда, но я не звонила.

– Почему?

– Когда вернусь к тренировкам, времени не будет. Зачем начинать, если бросишь.

– Я знакома с Инной Викторовной из Дома творчества, прекрасный педагог!

Эльмира Альбертовна замолчала, любясь синхронистками. Она когда-то и сама занималась рисованием, ей нравилось, как Ника расположила фигуры, как подобрала цвета. Хорошо бы девочке выбрать живопись, а не спорт, но Эльмира Альбертовна не бралась угова-

ривать Золотову, зная, сколько сил уже отдано гимнастике. Однако Никин рисунок так понравился учительнице, что она решила сама зайти в Дом творчества и показать эту работу художнице.

Летний отдых

Настоящие каникулы начинались в июле. Алевтина Сергеевна давно мечтала побывать в Испании. Хорошие знакомые каждый год арендовали виллу на побережье и приглашали составить им компанию. Муж подруги – программист, ему незачем каждый день ездить на работу, отлаживал программы дома, поддерживая связь с работодателем по электронной почте. Сама Зоя Александровна – учительница сольфеджио в музыкальной школе. Как только начинались каникулы, они всей семьёй отправлялись в Испанию и проводили там два месяца, пока тётке Зое не надо было возвращаться в школу. Там их навещали то одни, то другие приятели.

Обычно Ника проводила каникулы в спортивных лагерях, выбраться куда-то всей семьёй не получалось, родители отдыхали на даче. Теперь, когда организованные тренировки дочери сорвались, Золотовы с удовольствием откликнулись на приглашение Зои Александровны. Весь июнь готовились – оформляли визу, покупали билеты, собирали вещи. К сожалению, у Станислава Андреевича на работе случился аврал со сдачей проекта. Неудачно прошли испытания, надо было срочно переделывать опытный образец. Станислав Андреевич отказался ехать за границу, но уговорил жену и дочь отправиться без него. Вероника поначалу огорчилась, ей хотелось путешествовать вместе с папой и мамой, но делать нечего – работа есть работа. После долгих обсуждений Золотовы решили: в августе Станислав Андреевич вместе с дочкой отдохнёт в Питере у бабушкиной сестры тёти Алисы. Ника не бывала в Санкт-Петербурге и хотела бы посмотреть красивый город, поэтому решила, что так будет даже лучше.

В Испании девочка вернулась к спорту. Мама поднимала на утренние пробежки, проводила разминку. Она выстраивала акробатическую программу дочери, вспоминая собственное спортивное детство. Поблажек Нике ждать не приходилось, Алевтина Сергеевна поставила цель – вернуть дочке звание лучшей гимнастки города. Вероника занималась с удовольствием, мышцы болели, но голова не кружилась. Юная спортсменка под руководством мамы многое успевала до наступления жары. Все окрестные дорожки и тропинки познакомились с подошвами их кроссовок. Лавочки становились снарядами для укрепления пресса, турниками служили толстые ветви деревьев. Когда палящее солнце набирало силу, мама с дочкой прятались в кондиционированном тренажёрном зале. Алевтина Сергеевна вернула былую форму, Вероника восстанавливала навыки. Обе загорели, вдоволь плавали и в море, и в бассейне. Ника верила, что осенью приступит к тренировкам, а в следующем году вместе с Ларисой переведётся в спортивную школу-интернат.

Зарубежный отдых не ограничивался спортивными занятиями. Мамина подруга водила гостей по излюбленным местам. Посещали зоопарк, аттракционы, музеи, любовались улочками и площадями ближайших городов. Тётя Зоя утверждала, что только благодаря Золотовым ей удаётся вытащить на экскурсии сына. Супруг целыми днями занят своими программами, глядя на отца, Игорёк тоже предпочитает торчать у компьютера. «Мотаться по жаре» вместе с маминими друзьями ему было не по душе, а вот компания Ники его вполне устроила.

Игорь – высокий стройный паренёк с выгоревшими на солнце и поэтому очень светлыми волосами, с пробивающимися тоже светлыми усиками и весёлыми карими глазами. Характер имел общительный. Его нескончаемые шутки частенько вызывали улыбки взрослых, что говорить о девочке, которая не умела так складно говорить и поэтому восхищалась способностью Игоря балагурить легко и непринуждённо. Ника, если позволяла обстановка, весело хохотала в ответ на остроумные замечания мальчика и с усилием сдерживалась в музеях и галереях, где надо было соблюдать тишину. Игорь нашёл в девочке благодарного зрителя, ему уже не так скучно было выполнять мамину культурную программу. Взрослые частенько делали замеча-

ния, просили попридержать язык там, где его красноречие мешало другим людям, тогда мальчик переходил на шёпот, вынуждая Нику бесшумно трястись от смеха.

Их дружба нравилась обоим мамам. Игорь и Вероника были знакомы с самого раннего детства, но общались мало, ведь юная гимнастка была вечно занята. Теперь Зоя и Аля хитро перемигивались, глядя на детей. Ребята проводили вместе всё свободное от Никиных тренировок и общих экскурсий время. Игорь знакомил подружку с компьютерными программами. Здесь он был настоящий ас, ведь, как и папа, мечтал стать программистом. Девочка многому у него научилась и теперь не боялась информатики, которую ей предстояло изучать в будущем году. Игорь владел самыми разными программами, особенно ему нравились архитектурные.

Ника наконец-то придумала, куда можно потратить заработанные на рисовании деньги, захотела купить планшетный компьютер – будет возможность мультфильмы придумывать. На простенький уже хватало. Такой был у Игоря. Он научил Нику пользоваться, у неё хорошо получалось, Игорь даже злился. Он рисовал потешные комиксы, забавные мультики и считал себя мастером, но его персонажи выглядели не так убедительно, как у девочки.

– Будет у меня покруче аппарат, я покажу, что такое настоящие рисунки, – недовольно говаривал он, рассматривая результаты Никиных трудов.

Девочка не спорила. Игорь старше и чуть-чуть нравился ей. Забавно было наблюдать, как парнишка притворяется равнодушным к таланту соперницы.

Однажды ребята вышли прогуляться по невысоким холмам побережья, они подставляли лица пахнущему морскими глубинами бризу, наслаждались красочными видами. Мальчик считал подружку малявкой, удивлялся спортивному упорству и часто заводил разговор о четырнадцатилетней немочке из соседнего коттеджа. Особых достоинств у блёклой иностранки Вероники не видела, но смирилась с интересом приятеля к другой девочке и с безответностью своих чувств. В конце концов, сердцу не прикажешь, ни своему, ни чужому.

Как-то прогуливаясь по прибрежным холмам, ребята забрались дальше обычного, уже хотели повернуть обратно, но услышали голоса. Игорь заинтересовался, прибавил шагу, Ника спешила за ним. Выйдя из-за кустов, они увидели на небольшой полянке немецких туристов. Тянуло ароматным дымком, кто-то над углями жарил на палочках сардельки, кто-то играл в мяч. Фройлен сидела с книгой.

– Жаль, не знаю немецкого, – посетовал Игорь.

– Думаю, она по-английски прекрасно говорит, – предположила Ника.

– А вот я не прекрасно. У меня тройки.

Увидев соседей, белокурая девочка поднялась и подошла.

– Гуд ивнин, – продемонстрировал свои лингвистические способности Игорь. – Ви а рашн тьюристс. Вот из ё нейм?

– Я изучаю русский, – ответила блондинка, – рада иметь практику.

– Здорово! Я – Гоша, это – Ника.

– Лиз моё имя.

Новая знакомая приглашающим жестом указала на раскладные кресла. Игорёк поспешно уселся и коротко кивнул Нике, опасаясь, что та не захочет остаться. Девочка послушно заняла место, чувствуя себя неловко.

– Ты хороший спортсмен, – обратилась Лиз к Веронике, – я видела твой гимнастик.

– Спасибо, – ответила Ника.

– Она ещё рисует. – Игоря задел интерес немочки к подруге. – Пользуется успехом, по сотенке работы толкает.

Гневный взгляд Ники остановил болтуна. Историю творчества она рассказала Игорю под страшным секретом.

– Можно увидеть? – Лиз не заметила молчаливого диалога новых знакомых.

– Я не привезла, а здесь некогда рисовать. Надо тренироваться.

– Ника головой ударилась, открылся талант. Её картины желания исполняют!
Игорь, нечаянно нарушивший обещание, вёл себя так, будто и не было никакого обещания.

– Попроси нарисовать тебе. Платишь сотню – и желание исполняется.

Лиз не так хорошо владела русским, чтобы понять столь горячую речь, но кое-что уловила.

– У меня нет сто. Можно десять, маленький рисунок?

У Вероники даже дух перехватило от возмущения, она встала, холодно улыбнулась и сказала:

– Хорошо. До свидания.

Задетая предательством девочка резко повернулась и умчалась по дорожке, оставив товарища наедине с его «Джувлеттой».

Алевтина Сергеевна не разрешала Нике гулять одной. Увидев, как дочь бежит вдоль ограды, вышла навстречу. Девочке пришлось объяснять, что Игорь встретил соседку и болтает с ней. Скучно их слушать, вот и вернулась без него. Пришёл черёд беспокоиться тётке Зое. Она бросилась на поиски, а Ника села рисовать. Увлёклась, поняла, как скучала по бумаге и карандашам.

На ум пришёл бег с барьерами. Атлет в прыжке. Левая нога согнута в колене, правая вытянута вперёд, размах рук, огромный номер на груди, взгляд устремлён на следующий барьер, символически обозначенное твёрдыми чёрточками лицо – жёсткое, бледное, чем-то напоминает Лиз. Весь вечер раскрашивала. Дорожки, линии, полосатые барьеры, бровка, чуть виден зелёный газон. Подумала и обозначила красную финишную ленточку. «Пусть побеждает, это не мой вид спорта». Тщательно прорисовывая мелочи, девочка засиделась допоздна и выключила лампу, только когда услышала мамины шаги. Взрослые на веранде обсуждали завязавшуюся дружбу Игоря и Лиз, разошлись за полночь.

Когда рассвет прогнал чёрную ночь, Алевтина Сергеевна разбудила Нику. Пробежка! Дочка не выпалась, но не противоречила. Надо пользоваться утренней свежестью. Бежали молча, мама тоже с трудом прогнала сон, и добровольная обязанность давалась ей сегодня непросто. Вероника, вверив бумаге переживания, чувствовала освобождение от них. За повод вернуться к рисованию она прониклась симпатией к Лиз. Ника не рисовала для себя. Истратив множество листов, девочка не имела ни одного альбома со своими работами. Где-то дома спрятана и забыта больничная гимнастка-бабочка. Лечащий врач Наталья Матвеевна, наблюдавшая Веронику после сотрясения мозга, строго-настрого наказала девочке отнести этот рисунок в Дом детского творчества. Там преподавала одноклассница доктора Инна Викторовна. Ника смущалась: одно дело показывать работу таким же ребятам, как она сама, другое – настоящему художнику. Здесь, на отдыхе, девочка забросила рисование, её в конце года утомила нескончаемая работа «на продажу». Теперь, взявшись за карандаши и ощутив радость творчества, задумалась о словах Натальи Матвеевны.

Спортсменки расположились на излюбленной поляне. Механически повторяя за мамой упражнения, девочка размышляла. На тренировках она часто выслушивала критические замечания. Ольга Михайловна не стеснялась в выражениях, «корова» – не самое обидное из них. Это было привычным, с первого года занятий девчушка привыкла утраивать старания, дабы тренер не повышала голос, и даже не надеялась добиться похвалы, лишь бы не ругали.

– О чём думаешь? – спросила мама. – Не стараешься!

Вероника отогнала посторонние мысли. Первым делом – гимнастика, остальное потом. После завтрака мама с тёткой Зоей собрались на пляж, Вероника тоже захотела искупаться. Игорь, предпочитавший свободное от мам времяпрепровождение, напомнил ей:

– Ты обещала рисунок для Лиз.

– Нарисовала.

– Так быстро? Покажи.

– Тебе? – с вызовом спросила Ника, обида на Игоря ещё не прошла. Девочка побежала догонять взрослых, нетерпеливо покрикивающих ей из-за калитки.

Мальчик не обратил внимания на её тон, поспешил к своей фройлен сообщать, что картина для неё готова. Лиз встретила приветливо. Выслушав, уточнила:

– Ты только рисунок хочешь сказать?

Игорь смутился.

– Ещё я хочу погулять с симпатичной девушкой.

Лиз улыбнулась:

– Не надо румянить щёки, я шучу. Пойдём гулять.

– Очень сложно выражаешься, надо говорить «не красней». Румянят щёки только модницы.

– Спасибо, замечай мне, это полезно.

– Ладно, буду замечать, – засмеялся Игорёк.

Новые знакомые прогулялись и пришли ждать художницу на веранду занимаемого русскими туристами дома. Разговаривали, Гоша даже выучил несколько немецких фраз. Едва Алевтина Сергеевна открыла калитку, пропуская дочь, Лиз вышла их встречать.

– Сейчас принесу, – заторопилась Ника.

– Можно посмотреть твою комнату?

– Пойдём, – Вероника с удовольствием отметила вытянувшееся лицо Игоря.

Девочки поднялись на второй этаж. Немочка окинула взглядом типовую обстановку. Её ожидания оправдались.

– Здесь похоже... на твою комнату дома?

– Непохоже, – Ника достала рисунок.

– Там есть картины?

– Мои? – удивилась художница. – Нет, я не храню.

Лиз взяла работу, долго смотрела.

– Ты есть талант!

Она протянула Нике двадцать евро.

– Зачем? Не надо, это подарок!

– Пожалуйста! Я не верю желания, Гоша шутит. Мне нравится картина. Надо смотреть и знать: работа, терпение, потратить силы, будет победа.

– Ты отлично говоришь по-русски.

– Гоша тоже сказал так, – улыбнулась Лиз, – русская жена дяди помогает мне.

– Здорово. Я английский учу со второго класса.

– Мы английский со второго, русский с пятый. Возьми деньги, мой папа разрешил платить. – Лиз положила банкноту на тумбочку. – Я рада иметь эту память про Испания. Напиши имя.

Ника вывела: «Золотова».

– Золотко – это медаль за первое место, так?

– Золотко меня в детском саду звали из-за фамилии. А медаль золотая.

– Фамилия победы!

– «Золотовой вручается серебряная медаль» – звучит не очень, – согласилась Вероника.

Девочки расстались подружками. На следующее утро Игорь, побывавший накануне вечером в гостях у соседей, рассказывал, как немцы приняли рисунок. Неплохо знающий историю живописи отец Лиз предрёк юной художнице большое будущее.

– Прикинь, они думают, дешево купили твой шедевр! – веселился мальчик. – Двадцать евро за каляки-маляки! В чудеса не верят, желаний не стали загадывать, так и не смог их убедить.

Ребята сидели около бассейна. Наплавались, набрызгались, чуть не утопили друг друга. Теперь по просьбе родителей отдыхали на скамейке-качалке. Вероника слушала разглагольствования друга.

– Признайся честно, придумала про исполнения желаний?

Девочка кивнула.

– Зачем? Выставила меня фантазёром! Я всем доказываю! – Он стучал кулаком по коленке. – Врать стыдно! Родители не учили? Как тебе в голову пришло, что рисунки желания исполняют?

– Одноклассники так думают. Рисую, когда просят, ничего не обещаю.

– Стали бы они покупать твою мазню, если б не ждали чуда.

– Лиз купила, хотя не ждёт.

Игорь смотрел в сторону. Досадно было, что повёлся на девчачьи рассказы, хорошо, ещё не успел попросить у неё рисунок. Вон немцы сразу раскусили. Тоже мне, волшебница!

– Врушка.

Вероника сползла со скамейки.

– Трепло! Обещал никому не говорить. Я с тобой, как с другом, поделилась, а ты...

Девочка разбежалась и нырнула в бассейн. Игорь тоже вскочил.

– Спасибо скажи! Двадцать евро заработала благодаря мне.

– Разве ты рисовал? Просто завидуешь.

Игорь не успел ответить, Вероника подняла столько брызг своим кролем, что он потерял дар речи. Хотелось прыгнуть в воду бомбочкой, догнать эту вредину, но сдержался. Натянул шорты, майку и побрёл к соседнему коттеджу.

Три дня ребята дулись друг на друга. Вероника усилила тренировки, Игорь бегал за фройлен. Алевтина Сергеевна, заметив грустные глаза дочери, пробовала с ней пооткровенничать, однако предположения о причинах замкнутости не подтвердились. Веронике всё нравится, она не устаёт, не скучает, не обижается, чувствует себя хорошо. Алевтина Сергеевна упокоилась – с девочкой полный порядок, а тоска напала из-за подросткового возраста. У Игоря другая крайность – приступ показного веселья. Шутил, рассказывал анекдоты, зачитывал вслух отрывки из какой-то юмористической книжицы. Настроение мальчишки соответствовало общей радости от яркой природы, близости моря, свободного времени и ощущения здоровья. Нике было одиноко. Взрослые отводили взгляд от её кислой физиономии, а Игорь поглядывал торжествующе. Избегая его общества, девочка подолгу оставалась в тренажёрном зале, вспоминала отрывки акробатической программы. Прошлой зимой готовила к первенству, да так и не показала. Она гимнастка и станет чемпионкой, а он... пусть за Лизкой гоняется – немецкий прихвостень!

Поездка в музей Сальвадора Дали, запланированная тётёй Зоей, срывалась. Игорь наотрез отказался, заявив, что он уже был там и второй раз его в этот сумасшедший дом никто не заманит. Ника, услышав такое «авторитетное» мнение, тоже засомневалась, а без неё и Алевтина Сергеевна не могла ехать.

– Побывать в Испании и не заглянуть в страну Сальвадора Дали – преступление! – горячилась Зоя Александровна. – Алечка! Ника! Поверьте, это невероятное место, самое яркое моё впечатление от Испании. Обожаю этот музей.

– Я, честно говоря, Зоя, не поклонница его творчества, – призналась Алевтина Сергеевна, Стасик наверняка бы загорелся, но мне, если Ника не хочет, лучше не ездить.

– Ника, дорогая, выручай! – обернулась к девочке тётя Зоя. – Я так хочу ещё раз там побывать, а моих ретроградов не вытащишь. Этот музей поистине потрясающий, но чтобы посмотреть все экспонаты, необходимо съездить раза три, за один раз на все просто не хватает сил. Работы Дали требуют осмысления, они так экспрессивны, что тяжело воспринять и проанализировать без подготовки.

– Мы не успеем три раза съездить, – растерялась Ника, – нам скоро домой!

Тётя Зоя засмеялась:

– Будет повод побывать в Испании ещё и ещё! Поехали, Ника, папе расскажешь, он порадует за тебя.

– Хорошо, – согласилась девочка и заметила, как повеселел Игорь.

Тут она догадалась, что приятель, увиливая от поездки, надеялся пообщаться с немецкой подругой, пока мама с тётей Алей и Никой путешествуют. Обида, которая уже отпускала, всколыхнулась опять. Девочка села в машину в скверном настроении. Пусть бы Гоша был равнодушен к ней. Но считать её помехой? Это уже слишком. Будто она навязала ему свою компанию!

Всю дорогу Зоя Александровна просвещала подругу, воодушевлённо расписывая достоинства самого Дали и его страны.

– В Фигерасе отличный музей Дали, никакого сравнения с парижским, например, и только из-за этого туда стоит ехать, да и так, миленький старинный городок! На мой взгляд, этот дом-музей сейчас главная достопримечательность Испании.

– Хорошо-хорошо, дорогая, мы уже едем, не волнуйся так, – с улыбкой говорила Алевтина Сергеевна.

– Пойми, Алечка, я должна вас подготовить, поэтому и рассказываю.

– Ладно, рассказывай.

– Музей в здании бывшего муниципального театра, его, кажется, построили в 1849 году. Молодой каталонский архитектор Перес Пиньеро сделал проект реконструкции. Дали просил оставить фасад, но изменить интерьер. Потолок стал куполообразным витражом, на него ушло больше двух тысяч разноцветных треугольных стёкол. Изнутри музей похож на лабиринт разных по размеру темных комнат, по ним можно кружить до бесконечности.

– Надеюсь, мы с Никой всё увидим собственными глазами. Хотя кружить до бесконечности я не готова.

– Конечно, увидите. Я просто хочу вас предупредить: в любом предмете, в любом уголке есть маленький сюрприз, будто ты в сказке. Дали был очень разносторонним и в каждую частичку этого музея вложил что-то своё.

Зоя Александровна делилась впечатлениями от музея и творчества великого мастера мистификаций, а Ника разглядывала симпатичные виды, мелькавшие за окошком автомобиля. Она уже не думала о Гоше и Лиз, вспомнила папу, жалела, что он не с ними, ведь мама сказала, ему было бы интересно побывать в Стране Сальвадора Дали.

Несмотря на старания Зои Александровны, Вероника оказалась совершенно неподготовленной к посещению сюрреалистичного мира Дали. Необычное сооружение её поразило сразу.

– А зачем на крыше куриные яйца? – спросила она тётю Зою.

– У Дали огромная любовь к яйцам и хлебу. Он ещё носил шляпу-батон и считал яйца и хлеб самой здоровой пищей.

– Огромные какие, – удивилась Алевтина Сергеевна.

– Высотой почти три метра, а диаметром чуть меньше двух.

– Ничего себе! Вот будет грохоту, если свалятся, – хмыкнула Ника.

– погоди, посмотришь, что дальше, – тётя Зоя потянула девочку за руку, – пойдём-пойдём!

Экскурсантки долго бродили по залам, внутренним дворикам, тёмным переходам. Порой мама охала и торопилась прикрыть глаза Ники ладонью, возмущаясь:

– Но вот это уж бесстыдство какое-то.

– Искусство, Алечка! Индивидуальный взгляд на мир. Гений раздвигает привычные рамки! – спорила с ней Зоя Александровна.

– Сколько ж курить надо, чтобы всё это создать, – не соглашалась с подругой Алевтина Сергеевна, – это за гранью моего понимания.

Вероника слушала обеих женщин и готова была согласиться с каждой. Ярая поклонница творчества Дали утверждала, что этот уникальный человек внёс огромный вклад в искусство и сотворил действительно невообразимые вещи, а музей-театр – яркое доказательство тому. Этим словам девочка верила, ведь и её поражала безудержная фантазия маэстро. Но многого она не понимала, кое-что вызывало у неё отторжение, поэтому Ника была благодарна маме, когда та защищала её глаза от чего-то совсем уж непривлекательного.

Палитра впечатлений была настолько разнообразной, что Ника не всегда могла ответить на повторяющийся время от времени вопрос тёти Зои:

– Нравится?

Девочка пожимала плечами и говорила:

– Интересно.

Понравилось Нике «Дождливое такси», около него толпилось много народу. Дети развлекались, бросая монетку в специальное отверстие в ожидании, что из кадиллака брызнет вода. Ещё произвело впечатление лицо актрисы Мэй Уэст, сложенное из различных предметов в отдельном зале. Вероника несколько раз заглядывала в специальную линзу, стараясь понять, как из разрозненных вещей складывается улыбающееся лицо. Ей даже захотелось поваляться на конфетно-розовом диванчике, изображавшем губы.

Уставшие, возвращались они домой. Молчали. Подкрались сумерки. Проголодавшиеся путешественницы по пути заглянули в кафе в уютном уголке узкой улочки. Был тёплый приятный вечер. Неподдалёку звучала гитара, несколько голосов пели на незнакомом языке. Очень красиво.

– Что-то не пойму, это артисты? – спросила подругу Алевтина Сергеевна.

– Нет, простые люди, они по вечерам собираются на улицах, общаются.

– Как? Послушай, играют профессионально. Просто виртуозы!

– Да. Такие они, испанцы. Бесподобно играют на гитаре, танцуют, поют, и всё это радостно и простодушно. Много раз видела, а восхищаться не устаю.

Вероника слушала красивые мужские голоса, быстрые переливы аккомпанемента. Ей было очень хорошо. Должно быть, счастливы люди, способные душевно петь прямо на улице, оставив дневные заботы где-то за гранью сознания. Девочка ощутила потребность в мире и спокойствии, хорошо бы позабыть обиды, полюбить всех-всех людей и ни на кого не сердиться. Думала о Гоше. Зря он с ними не поехал.

Помирила ребят Лиз. Соседи отправлялись в Германию, их отпуск окончен. Накануне отъезда устроили пикник, куда пригласили Игоря и Веронику. Оказавшись среди незнакомых взрослых людей, Ника невольно держалась товарища, а он опекал её, показывая своё великодушие. Лиз вела себя тактично, уделяя внимание обоим гостям. Её тётя была родом из Харькова, она с интересом расспрашивала о жизни в России, о школе, о гимнастике. Удивилась, узнав, что Вероника занимается в бесплатной секции:

– Надо же! Я думала, теперь всё на коммерческой основе.

– Много платных групп, но если тебя находят перспективной спортсменкой, то не надо денег.

– Значит, ты перспективная? – улыбнулась женщина. – Ладно, не смущайся. Просто мы тебя художницей числили, а ты, оказывается, спортсменка.

– Тётя Мария тоже занималась спортом, – пояснила Лиз, – а теперь тренирует маленьких фигуристов.

– Да, были времена, – улыбнулась женщина. – Спорт – это хорошо, но рисовать не бросай. Деверь признал в тебе талант.

– Трудно всё успеть.

– А братишка твой не рисует?

– Кто? – удивилась Ника.

– Гоша.

До этого дня соседи принимали Веронику за сестру Игоря и были удивлены, узнав, что они вовсе и не родня. Ника сказала, что была бы рада иметь такого брата. Она это сделала специально. Пусть мальчишка не воображает, будто она в него влюблена. Наблюдая, какими глазами Игорёк смотрит на Лиз, девочка старалась убедить себя, что её интерес прошёл. Лиз грустила, скоро в школу. Ей нравится учиться. Но кто не любит отдыхать? У русских ребят ещё больше месяца каникул впереди.

Пикник немцы тщательно продумали. Играли, устроили смешные эстафеты. На прощание Игорю подарили ежедневник в бордовом переплёте, а Нике небольшой пейзаж в скромной раме. Папа Лиз – художник-любитель, он пишет акварели для родных и друзей. Пейзаж девочке понравился, она узнала изображённое на картине место, где часто делала разминку. Обменялись электронными адресами. Обещали присылать фотографии, делиться впечатлениями.

На следующий день ещё до рассвета соседний коттедж опустел, работники клининговой фирмы наводили в нём чистоту, готовили к приезду новых туристов. Игорь ходил с унылым видом, не расставался с подарком. Скоро все заметили, как мальчик записывает что-то в ежедневник. Сначала думали, завёл дневник, но со временем поняли – поэзия. Взрослые делали вид, что не видят. К подростковой лирике все относятся бережно – с каждым такое случалось, и каждый знает, как неловко быть пойманным. Веронику же мучило любопытство. Перемена, произошедшая в Игоре после отъезда Лиз, потрясла девочку, она окончательно забыла о былой симпатии к нему. Как мог весёлый, заводной парнишка, шалопай и приколист превратиться в задумчивого философа – этакий Пьеро вместо Буратино. Ника просила Игоря дать ей посмотреть ежедневник, но мальчик даже «одним глазком взглянуть» не разрешал. Купил подходящую по размеру сумочку с длинным ремешком, носил её через плечо, пряча туда свои тайны.

Случай представился, когда юного поэта увезли в больницу. У Игоря разболелся живот. Испугавшись аппендицита, отец поехал показать сына доктору. Мать осталась провожать подругу. Алевтина Сергеевна торопилась на работу, они с Вероникой улетали. Женщины укладывали вещи, о чём-то толковали, плакали даже, а девочка бродила по дому, по двору, вокруг бассейна, прощаясь с полюбившимся местом. Было грустно уезжать без Игоря. Вспоминались их ссоры, доверительные беседы, дружба с Лиз. Присев на скамейку, заметила ежедневник. Точно, мальчик был здесь, когда скрутило живот. Так и оставил заветную книжку. Вероника взяла её в руки, открыла.

Навсегда понравились веснушки золотые
И красивые глаза нежно-голубые.
Голос твой, пусть в нём металл,
Жаль, что я несмел.
Я б тебя нарисовал,
Если бы умел.

Этого нельзя делать, зачем она прочла! Словно обжёгшись, Ника выронила ежедневник и убежала в дом. Чувствовала себя преступницей. Ни о чём думать не могла, в голову стучались Гошины строки. Понятно, посвящены они Лиз, но Веронике казалось, что кто-то неведомый, не Игорь, а другой, обращается к ней этими словами. Веснушек, ни золотых, ни серебряных, Ника не имела, а глаза у неё были яркие, васильковые. Из-за этого малознакомые люди часто путались и называли её не Вероникой, а Василисой. Но не слова важны, а чувства, вложенные юным поэтом в посвящение. Подавляла возникшую из-за проникновения в чужую тайну неловкость привычным способом – побежала к тренажёрам. Физические нагрузки помогали справляться с эмоциями.

Алевтина Сергеевна нашла дочь в тренажёрном зале. Сейчас не время тренироваться! С минуты на минуту уезжать! Вероника, подчинившись маминой настойчивой просьбе, пошла в комнату, проверила свои вещи. Присели на дорожку. У калитки ждало такси. Зоя Александровна поцеловала Нику на прощание:

– Что-нибудь передать Игорю?

– Можно я ему записку напишу?

– Словам не доверяешь? Что-то личное? – лукаво спросила тётя Зоя.

Женщины переглянулись, Никина мама достала из сумки листочек и ручку:

– Время есть, пусть пишет.

Девочка отошла в сторону и, примостившись на перилах, вывела следующее: «Извини, Игорь, я прочла твоё стихотворение, только одно. Мне очень понравилось. Не понимаю, как люди становятся поэтами. Ника». Она свернула лист и отдала Гошиной маме. Та с улыбкой потрепала её по щеке и, поцеловав в макушку, проводила до калитки. Таксист успел сложить вещи в багажник. Алевтина Сергеевна с Вероникой сели в машину и оставили в прошлом свой испанский отдых.

Папа заждался своих девочек. Встреча была радостной, с долгими красочными рассказами. Алевтина Сергеевна, хвастая загаром и восхитительной фигурой, говорила о многочасовых тренировках и сожалела, что супруг всё это время просидел в городской духоте.

– Вижу-вижу, – смеялся Станислав Андреевич, – ты так похорошела, дорогая! Гламурные журналы передрались бы за право напечатать твоё фото как рекламу зарубежного отдыха.

– Я вовсе не о себе, – хитро шурилась супруга. – Вероника вернула форму, это главное. В Питере не ленись, ей нужно обязательно продолжать тренировки!

– Посмотрим. Да, Золотко? – обернулся он к дочери.

– А мы были в музее Сальвадора Дали, – невпопад сказала Ника.

– Что ты говоришь! Как же мама отважилась на такой подвиг?

– Да это всё Зоя! – пояснила Алевтина Сергеевна. – Она фанатка Дали, мне бы в голову не пришло любоваться на воплощённый бред.

– Ну и как впечатление?

– Гением я этого человека не назову, но побывать там и познакомиться с его творениями можно, раз уж занесла судьба в эти места.

– Строга!

– Знаешь, Стас, не люблю, когда художник намеренно ищет способ соригинальничать. Лишь бы шокировать, поразить. Всё только ради этого. Никакой философии я не увидела за его фокусами.

– Почему-то меня это не удивляет. А тебе, дочка, понравилось?

– Да, – неуверенно сказала Ника, – не всё... Много понравилось. Необычно. Он большой фантазёр. Тётя Зоя говорит...

– Вот-вот, – перебила её мама, – тётя Зоя все уши девочке прожужжала этим Дали. С тобой, Стасик, она бы нашла общий язык, зря ты не поехал.

– Что ж, как-нибудь в другой раз. А пока мы с дочкой окунёмся в понятное искусство. Побродим по Русскому музею, по Эрмитажу.

– Найдите время съездить в Пенаты, – предложила Алевтина Сергеевна, – дом Репина я бы сама хотела посетить, да пока не получается.

– Хорошо. Я там был лет двадцать назад, посмотрим, какие произошли изменения.

В Питере

Работу Станислав Андреевич успешно завершил, и теперь он в отпуске. Билеты на поезд куплены, через три дня начнётся новое путешествие. Вероника не стала звонить подругам, наверняка все разъехались. Посмотрела электронную почту. Пришло письмо от немочки, в нём фотографии с пикника. На снимках восторженный Игорь, удивлённая Ника, непроницаемая Лиз. Стало немного грустно. Всё-таки жаль, что эта поездка уже в прошлом. Так много новых впечатлений! Будет что рассказать Ларисе. Конечно, с девочками из секции тоже было здорово отдыхать, Ольга Михайловна умудрялась вывозить подопечных в музеи, на экскурсии. Но как-то это всё было однообразно, дисциплинированно, что ли. Здесь же Ника общалась с новыми людьми, строила непривычные отношения. Это сложнее, но увлекательнее.

Надо было ответить Лиз, поблагодарить за фотки. Вероника не знала, что сообщать зарубежной знакомой – недавно расстались. Прицепила свою фотографию с каких-то соревнований, в тексте письма похвастала предстоящей поездкой в Санкт-Петербург к родственникам. Тем же вечером Лиз откликнулась, советовала делать зарисовки достопримечательностей. Она бывала в Питере, ей нравилась архитектура.

Вероника впервые посетила Петербург. Город поразил её величием, особым достоинством. Папа, часто бывавший здесь в пору юности, ругал перемены. Тогда родственники жили в центре, в огромной коммуналке, где комната имела антресоли, позволяющие не очень крупному человеку выпрямиться во весь рост. Там стояла кушетка, рядом тумбочка с настольной лампой, висела полка с книгами. Это называли кельей. Стасик подолгу жил там, когда гостил у тёти Лисы и дяди Юры. Своих детей супруги не имели и с удовольствием приглашали племянников на каникулы. Коммуналку расселили. Из комнаты с высокими потолками пришлось переехать в малогабаритную однушку на окраине. Привычка принимать гостей осталась. Дядя Юра застеклил балкон. Там ставили раскладушку, и спать летом на ней было даже лучше, чем в квартире. Однако приезжать к родственникам с женой и дочкой было неудобно, маловато места для стольких гостей, поэтому Станислав Андреевич давно не навещался к тёте Алисе, общались по телефону и письмами. Когда не стало дорогого Юрочки, тётушка особенно нуждалась в поддержке.

Полтора года прошло после смерти Юрия Алексеевича. Тётя Лиса тосковала по ушедшему супругу, частенько вела разговоры о своей задержке на этом свете. Веронике такие слова удивляли и пугали, девочка не понимала, как человек всерьёз может мечтать о смерти. Думала, что тётя Лиса шутит, чуть-чуть притворяется, хотя печальное лицо и блеск влажных глаз говорили о другом.

Единственное, что удерживало тётушку в этой жизни, по её словам, был пёс неизвестной породы по кличке Борюсик. Принёс его в дом ещё до своей болезни дядя Юра. Он и возился с собачкой, пока не слёг. Теперь обязанность по наследству досталась супруге. Забота о питомце не всегда давалась легко, и тётя Лиса частенько ворчала, называя пёсика «моя обуза».

Приученная к ранним подъёмам, Вероника вызвалась гулять с Борюсиком. Одну её не отпускали, да и тётушке не спалось по утрам. Выходили во двор втроём. Измученный многочасовой ходьбой по музеям, скверам, проспектам и набережным, папа досматривал сны. Борюсик безудержно радовался новой компании, они с Никой бегали наперегонки, потом девочка делала зарядку, а пёс утомительно прыгал вокруг, подражая упражнениям. Тётя Лиса сидела на скамейке, посматривая на «молодёжь», разгадывала кроссворд.

Папе доставалось от мамы за его утренний сон, каждый разговор по скайпу сводился к упрёкам. Сама Алевтина столько усилий потратила на восстановление спортивной формы дочери, а отец спит сном праведника, когда Ника якобы совершает пробежки.

– Мало ли кто может оказаться во дворе! Какие-нибудь хулиганы пристанут, а девочка одна!

– С ней тётя Лиса, Борюсик! И откуда взяться хулиганам в шесть утра? – возражал Станислав Андреевич. Но мама всё-таки была недовольна, она не верила в бойцовские качества тёти Алисы и Борюсика.

Папин план спортивной подготовки сводился к пешим прогулкам. Ему и этого хватало – мышцы болели с непривычки. До стадиона Станислав Андреевич с Никой так и не добрались, забывая настоячивые требования Алевтины Сергеевны сразу после выключения компьютера. У папы находились свои предпочтения. В Питере он будто превратился в подростка, ему хотелось очутиться везде, где проводил время тогда. Часто бродили по Васильевскому острову. Здесь, по мнению папы, каждое здание можно рассматривать бесконечно. Несколько раз гуляли в Летнем саду. С тех пор как Станислав Андреевич бывал там, многое изменилось, но всё-таки ему понравилось.

– Н-да, копии есть копии, – говорил он, рассматривая многочисленные скульптуры, – что делать! Сохранить подлинники в наших климатических условиях сложно.

– А мне нравятся эти скульптуры, – спорила Ника, – вот-вот оживут, посмотри!

– Как же запах времён? Энергетика автора? – улыбнулся папа. – Хотя, соглашусь, выглядит нарядно. Настоящие произведения пусть хранятся в музеях, а здесь и так приятно гулять. Народу только многовато. В жару всех тянет к зелени и воде.

– Мне люди не мешают, прикольно в компании посидеть у фонтана. – Ника трогала пальчиками бьющую струю воды. – Они мне так нравятся!

– Погоди ещё, что скажешь в Петергофе! – Станислав Андреевич подумал, поглядывая вокруг, и кивнул: – Пожалуй, ты права. Люди здесь спокойные, уравновешенные, рядом с ними неплохо, а если хочешь спрятаться, полно других путей, где никто не гуляет.

– Ага! Классно придумали огораживать тропы. Траву и деревья сквозь решётку видно, а соседние дорожки и людей, гуляющих там, не разглядишь.

– И газоны никто не топчет. Культурное место, достойное Питера.

Ещё одно культурное место, достойное Питера, посетили – Русский музей. За день до этого съездили в Пенаты, как мама советовала. Место удивительное. Пенатами назвал его художник Илья Репин, он сам перестраивал финский домик, добавил второй этаж – огромную мастерскую с застеклённой крышей, балкон, где спал зимой и летом, веранду. Жилище Репина не похоже ни на одно здание, которое Нике приходилось видеть. Экскурсия по музею была интересной. Эти места после революции оказались на территории Финляндии, но художник так и не принял финское гражданство, оставаясь до самой смерти верным родине. Завещал он Пенаты Российской академии художеств, но завещание не имело силы до тех пор, пока эти земли не вошли в состав Советского Союза. Произошло это через несколько лет после смерти художника. Жизнь Репина не была лёгкой, все его сбережения после революции сгорели в лопнувших банках. Пришлось голодать, мёрзнуть. Зимой работал в шапке и пальто, не получалось протопить весь дом, в мастерской было так же холодно, как на улице. На последнем автопортрете Илья Ефимович изобразил себя в верхней одежде. Работал художник до последних дней. Когда отказала правая рука, взял кисть в левую, для удобства изобрёл палитру, которая крепилась на поясе.

После экскурсии по дому Репина Ника с папой гуляли в парке, затем сходили на берег Финского залива. Погода стояла чудесная. Песок, высоченные сосны, морской воздух, ласковое солнце... Не хотелось уезжать. Девочка забралась на большой валун, Станислав Андреевич фотографировал.

– Изобрази что-нибудь, Золотко, – попросил.

Вероника сделала ласточку, потом встала на мостик. Папа похвалил:

– Отлично! – сейчас маме снимок отправлю, пусть не говорит, что ты не тренируешься.

Ника засмеялась, прыгивая с камня.

– Тоже мне тренировка, – и добавила серьезнее: – Давай, ещё отправим Лиз в Германию. Она просила меня присылать ей фотки.

Девочка побегала по песчаному пляжу, прошла колесом, сделала сальто. Проходившие мимо люди заплотировали. Эх! Соскучилась по гимнастике! Купаться не решились, вода всё-таки холодная, не хватало простудиться.

На следующий день состоялась обещанная экскурсия в Русский музей. От красивого здания веяло спокойствием, торжественностью. Без суеты, без лишних волнений зашли, взяли папе билет. Школьникам бесплатно. Не торопясь, переходили из зала в зал, разглядывая портреты. Далёкие по времени люди смотрели с полотен. «Как их лица не похожи на нынешние», – думала девочка. В зале, где висели картины великого мариниста Айвазовского, задержались надолго. Ника села на лавочку и разглядывала волны, небо, удивительную игру света. Захотелось к морю, вдохнуть солёный воздух, вслушаться в шум прибоя.

Встречая картины Репина, Ника радовалась им как старым знакомым. Не только потому, что неоднократно видела репродукции, она чувствовала их связь с тем местом, где побывала вчера. Полотна Ильи Ефимовича были ей чуть-чуть родными. Многие другие картины ей тоже нравились, и не только картины, девочка с удовольствием рассматривала рисунки, заботливо спрятанные под бархатные покрывальца. Эх! Если бы и ей так научиться рисовать! Какие интересные бытовые сюжеты и выразительные лица находили старинные художники, как тщательно всё прорисовывали! Невозможно поверить, что это карандаш.

– Мне до этих рисунков очень далеко, – огорчённо сказала девочка папе.

– Какие твои годы, – он ласково потрепал её плечо, – научишься!

Русский музей Нике понравился даже больше, чем Эрмитаж, где, во-первых, стояли около двух часов в очереди, во-вторых, в залах бродило столько народу, что люди чуть не сталкивались друг с другом. Много было туристов из Китая, итальянцы тоже встречались, французы. Наверное, были и другие, но Ника их не распознала. Дворец поражал великолепием, праздничностью. Экспонатов просто невообразимое множество. Три часа ходили, так всё и не осмотрели. Станислав Андреевич назвал экскурсию ознакомительной.

– По-хорошему надо посвящать визит одной выбранной теме, наша пробежка мало чего путного в голове оставит, – сказал он, когда выбрались наконец на Дворцовую площадь, потом спросил: – Ну, Золотко, признайся, что тебе понравилось больше всего?

– Больше всего? – Ника задумалась. Что сказать? После небольшой паузы засмеялась: – Больше всего вид из окна понравился. Набережная, река, мост, Петропавловская крепость. Если бы ты меня не утащил оттуда, так до сих пор и стояла.

– А! Воображала себя принцессой?

– Что-то вроде того.

Исаакиевский и Казанский соборы, Петергоф... Впечатлений Вероника получила больше, чем в Испании, хотя они с папой договорились не расстраивать маму такой новостью. Помня совет немецкой подруги, Ника делала зарисовки памятников, мостов, зданий. Медный всадник получился неплохо, кое-какие скульптуры в Летнем саду удались да ещё каменный лев. Юной художнице куда больше нравилось рисовать людей, причём не статичных, а в движении. Незадолго до отъезда Станислав Андреевич показал рисунки дочери тёте Алисе. Та просила оставить ей на память «Медного всадника» или льва – эти понравились больше других. Девочка, к общему удивлению, заупрямилась.

– Ты же рисуешь для подруг, – уговаривал её папа, пока старушка была на кухне. – Почему не хочешь оставить тётушке хотя бы один рисунок? Как тебе не стыдно!

Веронике было стыдно, но ещё сильнее ей было страшно. Раньше девочка не обращала внимания на поверья одноклассников, но сейчас испугалась: а вдруг из-за этого льва или всад-

ника желание тёти Алисы исполнится и она отправится к дяде Юре на тот свет? Сказать это папе она не решилась, поэтому смотрела в пол и молчала.

– Стасик, оставь ребёнка в покое, – весело пропела тётя Лиса, вернувшись с кухни, – потом нарисует и пришлёт в письме. Правда, детка?

Ника закивала, а тётушка продолжила:

– Критическое отношение к себе – это хорошо. Не хочет оставлять на память неудачные, на её взгляд, работы.

Папа хмурился, ему бы в одиннадцать лет и в голову не пришло отказать в просьбе тёте Лисе. Он даже хотел потихоньку от дочери вытащить из папки «Медного всадника», но тётушка, хорошо зная своего племянника, остановила его:

– У девочки есть причины, даже если они никому не известны. Давай уважать её решение. Да, вот что. Съездите к Нонне. Огорчитесь, узнав, что ты побывал здесь и не навестил её. Никины работы покажи, Нонна реставратор, рисунок изучала.

– Даже не знаю, стоит ли? Не виделись с детства и не переписывались.

– Дело твоё, – старушка ненадолго задумалась, потом спросила: – До сих пор неловко, что ты пренебрёг ей? Все ждали вашего союза. Понимаю, она у нас пышка...

– Тётя Лиса!

– Нонна вышла замуж два года назад. Встретила какого-то проходимца. Фотограф. Видимо, счастлива... Можешь чувство вины позабыть.

– Думаешь, Нонна как посторонний человек объективно оценит способности Вероники?

– Вот уже и посторонний! Ай-яй-яй, Стасик! Такие были друзья: водой не разольёшь! Неужели не любопытно повидаться? За столько дней и не позвонил даже. Совсем забыл.

– Как я мог забыть? Мы с Никушей все наши с Нонной заветные места обошли, я дочери об архитектуре Питера столько рассказал, ни в одном справочнике не прочитаешь. Даже удивительно, как хорошо Нонкины лекции помню.

– Вот и славно! Навести, доченькой похвастай!

Станислав Андреевич, следуя совету тётушки, приехал с дочерью в реставрационную мастерскую, где работала племянница дяди Юры Нонна. Вошли в огромное светлое помещение, ужасно загромождённое. Кроме Нонны там ещё были люди. Вероника разглядела старичка, двух девушек, парня и мужчину.

– Извини, что здесь тебя встречаю, – говорила миловидная русоволосая женщина, – сроки поджимают, в буквальном смысле днюем и ночуем в студии. Какая девочка! Глаза синющие, папкины. Как я хотела дочурку с такими василёчками!

Нонна обняла Нику, прижав её к себе, поцеловала макушку. Девочка растерялась, она не привыкла к объятиям. Конечно, мама частенько целовала в щёчку, и папа приобнимал за плечи, но чтобы так, как Нонна, всем мягким телом...

– Смущается. Какая милая, – продолжила Нонна, – не красней, ты мне племянница двоюродная. Какие-никакие, а родственники. Пойдём чаю выпьем. Тортик захватили! Удивительно! Стасик, помнишь мои пристрастия.

Они прошли в смежную комнату, где хозяйева устроили место для чаепития. И здесь мольберты, пустые рамы, банки с непонятными надписями создавали впечатление вселенского беспорядка, много чего громоздилось на стеллажах. Нонна включила электрический чайник, приготовила чашки, тарелочки, пакетики с чаем.

– Какие вы молодцы, навестили тётю Лису! Она тоскует, плачет. Как зайду к ней, наслушаюсь жалоб – голова болит. Ваш приезд её взбодрил, звонила мне, хвасталась, Веронику нахваливала. Ты рисуешь? – повернулась она к Нике.

– Рисует, – ответил за Нику папа. Он разрезал торт и поместил по кусочку на тарелки. – Хочешь посмотреть?

– Разрешаешь? – спросила племянницу Нонна. Вероника достала из пакета папку с рисунками, женщина разложила их на тумбе. – Здания тебе неинтересно рисовать, это сразу видно. «Медный всадник» хорош, скульптуры тоже, но...

– Скучно?

– Н-да, формально как-то... есть что-нибудь нездешнее?

– Она, как только нарисует, сразу отдаёт! – Огорчённый голос папы выдал его волнение. – Я и половины её работ не видел.

– Нарисуй, пожалуйста, сейчас. – Нонна подвела девочку к мольберту, закрепила лист, предложила карандаши, мелки, кисти...

– Можно карандашами? – спросила девочка. – Что рисовать?

– Самое любимое.

Вероника принялась за работу, папа с Нонной пили чай и беседовали. Темы прыгали из настоящего в прошлое и обратно. Друзья детства вспоминали общих знакомых, Нонна делилась своими планами. Она мечтает жить в США. Были там с мужем, он много фотографировал, размещал работы в журналах. Супруги не всё смогли увидеть, что хотели. Их ждали заповедник Гамильтон, национальный парк Теодора Рузвельта, Долина огня в Неваде, река Колорадо в Аризоне. Единственное, что держит женщину в Питере, – это необходимость заботиться о тёте Лисе.

– С нами она, само собой, не поедет, да и вообще, не одобряет моего любопытства к путешествиям.

– А твои не будут скучать?

– Скайп на что? Теперь общаться можно сквозь тысячи километров. Мы в одном городе живём, а видимся раза три в год. Всё по телефону. Ладно, хватит обо мне. О себе расскажи.

Станислав Андреевич говорил в основном о Нике. Какие у дочки успехи в спорте, как она с мамой съездила в Испанию, как вместе делают уроки. Нонна слушала, улыбалась и поглядывала на мольберт.

В комнату забежали реставраторы, тоже наливали чайку и угощались тортом. Старичок, оказавшийся начальником, напомнил всем о срочной работе, строгим взглядом смерил Станислава Андреевича, но отвлёкся на Веронику.

– Новая сотрудница? Хорошо, молодец. Продолжай. – Постоял, рассматривая изображённых Никой бегунью с собачкой, и ткнул пальцем в рисунок. – Я бы чуть больше руку в локте согнул. Мордочка хороша, весёлая. Молодец, продолжай.

Начальник удалился, позванивая ложечкой в стакане. Нонна с Никиным папой подошли к мольберту.

– Похвалил? – уточнил папа.

– Сам видишь, девочка способная, – задумчиво откликнулась Нонна.

Станислав Андреевич настаивал на оценке:

– Скажи, чего тут особенного? Рисунок как рисунок, я сам так смогу.

– Дети редко рисуют людей. Посмотри, пропорции выдержаны, передана динамика.

– Про локоть ваш старик сказал.

– Да, бежит ногами быстрее, чем руками.

Нонна обратилась к племяннице:

– Кто тебя учил?

Ника пожала плечами.

– Папа к своему другу водил, когда маленькая была. В детском саду много рисовала и в школе на уроках.

– Одарённая у тебя девочка, Стасик, надо искать хорошую студию.

Станислав Андреевич подмигнул дочери:

– С этим успеется, сейчас гимнастика на уме. Извини, Нонночка, мы тебя основательно отвлекли, начальство точит недовольство.

– Да, была бы счастлива поболтать с вами, но не успеваем с заказом, каждая минута на счету!

– Золотко, нам пора, – сказал папа Веронике.

– Я не раскрасила.

– Оставь рисунок здесь. – Нонна взяла лист с бегуней и убрала в свою папку. – Приедешь в следующий раз, раскрасишь. Давай прощаться, юное дарование!

Женщина, смеясь, обняла Нику, даже приподняла её немного.

– Лёгонькая какая! Не кормите ребёнка!

Веронике было уютно в тётиных объятиях, она с сожалением отстранилась от Нонны.

– Можно, я осенью приеду, в каникулы?

– Если тебя на сборы не отправят, ты человек подневольный, – грустно заметил папа.

– Знаете что! – Нонна остановила гостей у самого выхода. – Мои не простят, если внучку двоюродную не покажу! Да и тебя, Стасик, рады будут увидеть. Сможете заехать к ним завтра часиков в шесть? Помнишь, где я раньше жила?

– Помню.

– Приезжайте, я предупрежу. Сама тоже постараюсь освободиться.

– Удобно ли? – сомневался Станислав Андреевич.

– Там у папы мастерская в моей бывшей комнатке. Кое-какие работы есть. – Нонна обернулась к Нике: – Тебя интересует мастерская питерского художника?

Вероника бросила взгляд на папу. Нонна засмеялась:

– Соглашайся! Редко кому позволено побывать там!

– Хорошо, – кивнул Станислав Андреевич, – будем, но ты, пожалуйста, приезжай. Я и раньше-то твоего отца побаивался, а теперь столько лет прошло! Он забыл меня, наверное.

– Договорились! До завтра! Пока, племянка! Не дают тебе родители развивать художественный талант, подневольный человек!

Девочка размышляла над словами Нонны, пока ехали в метро. Что значит подневольный человек? С малых лет Вероника слышала о своей спортивной одарённости, привыкла к многочасовым тренировкам, к особому режиму. Рассуждать не приходилось, раз данные есть, она обязана их развивать и добиваться высоких результатов. Теперь выясняется, что есть и другие способности. Их не надо развивать? Ника не могла вместо спортивных сборов поехать в Питер. Найти время для Дома творчества в жёстком графике тренировок тоже не получится. Как сказал папа? Успеется? Сначала соревнования, сборная страны, медали, а после, когда-нибудь...

– О чём задумалась? – тормозил её отец.

– Я не разучусь рисовать?

Папа молчал. Сам спросил и молчит, Ника продолжила:

– Если не тренироваться, уже не сможешь сесть на шпагат или крутить сальто. А если не рисовать?

– Ты всегда мечтала стать чемпионкой. Ни о чём другом не думала.

– Раньше не думала. Теперь задумалась.

Вот и папа погрузился в размышления. Пришли они к тётке Лисе тихие и отстранённые. Борюсик радостно скакал вокруг Вероники – отвлёк девочку. Она переделалась в спортивный костюм и пошла с собакой во двор. Побегали, порезвились. Жаль расставаться! Вечером, уже лёжа на раскладном кресле, Ника слышала, как тётя Алиса рассказывает папе, что хочет оформить дарственную на Нонну, а Борюсика заберут соседи. На племянницу она не надеется, на её фотографа тем более. Девочка, не связывая слово «дарственная» с квартирой, не понимала, почему соседи заберут Борюсика, если тётя Лиса дарит его Нонне? С этими загадками Ника заснула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.